

начатую еще при Витте, а явилась объективно неизбежным моментом самой индустриализации, которая была закончена уже в 30-х годах XX века. Феодалные социально-экономические отношения не позволяли национальному капиталу создать необходимые накопления. Потому-то и был так силен иностранный капитал.

История перед страной ставила вопрос: или развиваться по пути европейской модернизации, т.е. проводить индустриализацию или скатываться на периферию мировой экономики. Царское правительство не смогло найти собственных накоплений для индустриализации. Весь талант С.Ю. Витте, прекрасно понимавшего историческую необходимость индустриального развития для страны, ничего не смог сделать в условиях по существу феодальных отношений. Поэтому и нужна была в России революция как единственно возможный путь ее модернизации.

1917 год: ПРОБЛЕМА ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Колганов А.И.,
д.э.н., МГУ*

Одна или две революции? Этот вопрос, применительно к Февралю и Октябрю 1917 года, давно уже является предметом дискуссии, и ответы на него давались различные. Представители советской исторической науки – а также и большинство эмигрантских политиков – жестко противопоставляли Октябрь Февралю. Первые возвеличивали Октябрь, как славную социалистическую революцию по отношению к презренному буржуазному Февралю. Вторые прославляли благодетельный демократический Февраль в противоположность разнузданному охлократическому Октябрю. Среди зарубежных историков, однако, широко была распространена позиция, согласно которой Февраль и Октябрь были лишь различными этапами единого революционного процесса, так что первый закономерно перетекал во второй.

экономическое развитие России. Кн. 2, ч. 2. - М.: Наука, 2006, с. 591, 592.

На мой взгляд, для более обстоятельного решения этой проблемы необходимо, прежде всего, не оставаться в кругу анализа только политических процессов, и не упускать из вида различие и взаимную связь между социальной и политической революцией. Разумеется, и Февраль, и Октябрь – это обозначения ступеней революционного процесса именно в сфере политической надстройки. Но понять их природу, не обращаясь к рассмотрению существа проходившей в России социальной революции, невозможно.

1. Социальная революция и политическая революция в Российской империи начала XX века

На протяжении последней трети XIX и начала XX века в России постепенно разворачивается *капиталистическая социальная революция*¹, толчок которой дали реформы 60-х – 70-х гг. XIX века и в первую очередь крестьянская реформа. Однако и в начале XX века эта революция была еще *весьма далека от своего завершения*. Капиталистические производственные отношения охватили меньшую часть общественного производства. Промышленный переворот затронул лишь весьма узкий уклад фабрично-заводской промышленности, охвативший примерно 10-15% занятых. Крестьянское землевладение примерно на 80% оставалось общинным (что, впрочем, составляло уже менее половины от всего землевладения). Вовлечение крестьянства в отношения товарного производства, хотя и прогрессировало, но все еще затрагивало меньшую часть крестьянского производства, а многочисленные слои крестьянства не затрагивало практически совсем – уклад их экономической жизни оставался добуржуазным. В товарной части аграрного сектора господствовало помещичье хозяйство, во многом основанное на полуфеодальных методах эксплуатации крестьянства.²

Задачи буржуазной революции в области политической и юридической надстройки и вовсе не были достигнуты ни в чем существенном (за исключением земского самоуправления и суда присяжных). «Либеральный» монарх Александр II весьма жестоко расправлялся с претензиями на завоевание политических свобод и социальных прав, а его преемник, Александр III, был еще более тверд в своей «охранительной» (по отношению к неограниченному самодержавию) политике.

¹ Такую оценку социально-экономическим процессам в России того времени давал и Ф. Энгельс в 1893 г.: «В России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, которым оперирует и действует капиталистическая революция (ибо для России это настоящая социальная революция)». (Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 39 С. 128). Вообще Ф.Энгельс в 90-е гг. XIX века неоднократно обращается к теме социальной революции, происходящей в России (см.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 22. С. 47, 261, 452 и др.).

² Все это очень хорошо показано в работе: Воейков М.И. Политико-экономические эссе. М.: Наука, 2004. С. 101-121.

Правда, революция 1905-1907 гг. все же принудила монархию обзавестись некоторыми конституционно-парламентскими декорациями, были сделаны некоторые шаги вперед в отношении свободы печати и свободы союзов.¹

Итак, в повестке дня стояло продолжение капиталистической *социальной* революции, и использование буржуазной *политической* революции как рычага назревших социальных преобразований.

2. Буржуазная революция? Но какая?

Историки советской поры сходились в оценке революции 1905-1907 гг. и Февральской революции, как буржуазно-демократических. Думаю, это не совсем точно. Если *основные* задачи буржуазной революции *не решены*, говорить о буржуазно-демократическом этапе вроде бы рано. Почему же не только советские историки, но и социал-демократы, участвовавшие в этих революциях, оценивали их, как буржуазно-демократические? Вероятно, потому, что основным политическим вопросом этих революций как раз стал вопрос о политической демократии как средстве проведения буржуазных преобразований. В этих революциях уже невозможно было сделать шаг вперед за счет политического компромисса дворянской монархии с буржуазией – ибо этот компромисс не обеспечивал условий проведения основных преобразований капиталистической социальной революции, названных выше. Этому препятствовала контрреволюционная позиция буржуазии, готовой смириться с сословно-феодальными пережитками ради защиты своих социальных привилегий в деле эксплуатации пролетариата и крестьянства. В результате в революции сложился неформальный «демократический блок» пролетариата, мелкой буржуазии и добуржуазного (или полубуржуазного) крестьянства.

Итак, можно сделать вывод, что назревающая революция действительно была буржуазно-демократической, но с той особенностью, что *буржуазно-демократические задачи в этой революции были поставлены еще до того, как были решены основные задачи революции буржуазной*.

Другая особенность этой революции заключается в том, что это *поздняя* буржуазная революция. Она происходила в условиях, когда в странах капиталистического «ядра» буржуазные революции уже прошли. Поэтому российская революция не могла не встать перед проблемой не только буржуазно-демократических преобразований, но и поиска «места под солнцем» в мировом капиталистическом хозяйстве. Что делать, если мировой промышленный рынок уже поделен, и новую капиталистическую Россию на нем не ждут, тем более – с ее все еще довольно слабой промышленностью? На современном языке это называется

¹ Однако до буржуазной республики было еще очень далеко – и не случайно. Какая может быть буржуазная республика в стране, где уже заложены основы капитализма, но экономический строй которой в основном еще остается добуржуазным? Примерная такая, каким был буржуазный парламентаризм на Юге США вскоре после освобождения рабов или парламентарная система в Латинской Америке в это же время.

проблемой догоняющей модернизации. И эта проблема, как я постараюсь показать ниже, наложила весьма глубокий и своеобразный отпечаток на буржуазную революцию в России.

3. Февраль и Октябрь – одна революция... Или все же две?

С точки зрения единства и непрерывности политического процесса Февраль и Октябрь, несомненно, представляют собой одну революцию. А в более широком контексте можно назвать революцией весь период с 1903 по 1922 год (как это сделал Теодор Шанин). Однако у каждой революции есть этапы. И если мы не сводим Великую Французскую революцию только к 1789 или к 1793 году, все же у каждого из этих периодов было явное своеобразие. Поэтому остановимся пока на том, что Февраль и Октябрь – это два различных этапа единой революции.

Но в чем же своеобразие этих этапов?

А своеобразие этих этапов заключается в том, что в Октябре, во-первых, происходит передвижка классов, находящихся у власти: происходит, по определению Ленина, «рабочая и крестьянская революция». И, во-вторых, к власти приходит партия большевиков с социалистической программой.

Рассматривали ли сами большевики свою революцию как социалистическую? Поначалу – определенно нет. Они полагали, что пока им придется ограничиться только буржуазно-демократическими задачами, так и не разрешенными до конца Февралем. Для них было достаточно ясно, что Россия для социализма не созрела, что она даже в преддверии социализма не находится, что в это преддверие еще нужно придти, и путь этот небыстрый.

Но не все так просто. В потенции большевики все же видели социалистическую перспективу своей революции, если... Если произойдет революция на Западе и Россия получит помощь от победившего пролетариата более передовых стран. Даже в этом случае российскую революцию следовало бы рассматривать как *раннесоциалистическую*, то есть революцию, базирующуюся на недостаточных социально-экономических предпосылках. И если проводить сравнение с самой ранней успешной буржуазной революцией – в Нидерландах XVI века, то голландская революция имела более широкую и прочную социально-экономическую базу, ибо большая часть населения принадлежала так или иначе к мелкой буржуазии и была в значительной мере втянута в товарное хозяйство. Необходимый же для совершения социалистической революции пролетариат – а тем более фабрично-заводской пролетариат – составлял в начале XX века в России явное меньшинство населения.

Итак, начиная с Октября, к буржуазно-демократической революции начинает примешиваться оттенок революции раннесоциалистической. Поначалу еще только оттенок... Что же, все-таки две революции, только не последовательно, а одновременно? Не будем спешить.

4. Ленин о шансах строительства социализма

Я не буду здесь подробно останавливаться на тех социалистических по видимости формах, которые приняла политика «военного коммунизма», вынужденная отчаянными условиями гражданской войны. Идеологическая оболочка, которую приобрел «военный коммунизм», наложила значительный отпечаток на психологию большевистской партии, и хотя не смогла помешать переходу к новой экономической политике, привела, однако, к ее трактовке как «отступления». Тактически, это, возможно, и было отступлением – от попыток явного забегания вперед, совершенных под влиянием войны. Но в смысле социально-экономической стратегии ни один марксист в здравом уме не мог полагать, что можно устроить социализм в мелкокрестьянской стране, вводя декретами бестоварное хозяйство. Так что возврат к рыночным отношениям в этом смысле должен представляться совершенно необходимым исходным пунктом дальнейшего развития, а не «отступлением» от чего-то, якобы уже достигнутого.

В 1921 г. революция в России в социально-экономическом отношении во многом вернулась к положению начала 1918 года. Пролетарское государство (хотя в его пролетарском характере уже сомневались и сами его руководители) могло, конечно, сравнительно легко национализировать крупную и среднюю промышленность. Но что делать дальше с этим разрушенным войной островком промышленности и в значительной мере деклассированным пролетариатом, окруженным морем мелкобуржуазного, а по большей части даже патриархального крестьянства? Из чего тут, собственно, можно строить социализм?

Вместе со спадом революционной волны на Западе исчезли и надежды на помощь победоносного пролетариата развитых стран (по крайней мере, в ближайшую историческую перспективу). Что же делать? Отказаться от перспектив строительства социализма, вернуться к чисто буржуазной программе (как предлагали меньшевики)? Но в стране уже сложилась столь своеобразная конфигурация политических сил, что отказ от выдвижения социалистических целей становится для большевиков невозможным. Именно социалистические лозунги обеспечили им поддержку пролетариата и оправдывают их пребывание у власти. В противном случае, вместе с отказом от социалистических целей, они неминуемо теряют власть, а при тогдашнем политическом положении в России и в мире вместе с властью они потеряли бы и головы.

Ленина весьма беспокоила эта коллизия. В конце концов он предлагает выход, в общем не находящийся в непримиримом конфликте с марксистской теорией. Пролетариат должен продолжать удерживать государственную власть, допуская в меру развитие капитализма под своим контролем. По мере того, как с ростом этого государственного (в смысле – контролируемого пролетарским государством) капитализма будут развиваться и производительные силы, необходимо концентрировать ресурсы, при помощи государственной власти, на развитии современной промышленности, электрификации страны, подъеме культурного уровня

народа, на вовлечении крестьянства в кооперацию. Тем самым, одновременно с ростом капитализма, и отчасти на основе этого роста, будут закладываться материальные предпосылки социализма и обеспечиваться постепенный рост социалистического уклада. А там, глядишь, и революция на Западе созреет...

Но получится ли осуществить эту идею на практике? Не будут ли растущие хозяйственные силы буржуазного уклада (вместе со значительной частью крестьянства, вовлеченного в товарный оборот) направлены против сковывающей их политической оболочки пролетарского государства? Эта угроза мелкобуржуазного термидора осознавалась Лениным как «основная и действительная опасность»¹. Впрочем, Сталин справился с этой опасностью ... но открыл дорогу другой.

5. Переоценка шансов с позиций сегодняшнего дня

Сегодня эта постановка вопроса Лениным выглядит как чрезмерно оптимистическая. И дело здесь – с точки зрения марксистской теории – не только в известном теперь конечном результате попыток строительства социализма в СССР. Накал классовых противоречий пролетариата и буржуазии в условиях только что утвердившегося на Западе промышленного капитализма привел к ошибочной оценке степени готовности капитализма к социалистическим преобразованиям. Между тем в начале XX века развитие материальных и экономических предпосылок социализма – в том виде, как они были обоснованы в марксистской теории² – не давало еще достаточных оснований для такого вывода.

Поэтому ошибка Ленина заключалась не в его идее провести «достройку» совершенно недостаточной материальной базы для социализма руками капиталистов и мелкой буржуазии под контролем пролетарского государства. Такая идея при определенных условиях могла бы сработать – хотя она была очень рискованной и никаких гарантий конечного успеха не давала. Ошибка заключалась в оценке уровня тех задач, которые надо было решить, чтобы создать для социализма необходимые материальные предпосылки.

Два основных пункта, на которые напирал Ленин – «крупная промышленность, способная преобразовать и земледелие», и всеобщая грамотность населения – такими предпосылками не являются. Это – адекватная материальная база для *промышленной стадии капитализма, а не для социализма*. Предпосылки социализма вырастают в результате длительного развития промышленного капитализма – такого развития, при котором промышленный капитализм вплотную подходит к исчерпанию своих возможностей и создает внутри себя материальные основы для нового, более высокого хозяйственного уклада.

¹ Ленин В.И. XI съезд РКП (б). Политический отчет Центрального комитета РКП (б) 27 марта. // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 94.

² Характеристика этих предпосылок дана мною в статье: Колганов А.И. Границы капитализма. // Альтернативы, 2006, №3, с. 16-30.

Приходится констатировать, что в первой четверти XX века даже и победоносная пролетарская революция в странах Запада, если бы она произошла, ничего не могла бы исправить в этом отношении. Социалистическая революция осталась бы преждевременной.

Между прочим, классики марксизма, хотя и переоценивали близость социалистической революции, все же достаточно хорошо понимали все опасности преждевременного взятия власти пролетарской партией. Можно напомнить то, что писал Энгельс в 1853 г. применительно к Германии (и что в еще большей степени оказалось верно по отношению к России):

«Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы – надо надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать *историческую* оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже»¹.

Так что же, большевики попали в совершенно безвыходный политический и экономический тупик? Получается, что так. И выход из этого тупика, который был найден, был произведен уже не большевистской партией и не на основе большевистской программы. Чтобы понять, как сложился этот выход, надо на время покинуть область теоретических размышлений, и обратиться к реальной эволюции социально-экономических отношений в революционную эпоху.

6. Логика событий: шаги к социализму?

Итак, взяв власть, большевики встали перед необходимостью разрешить задачи буржуазно-демократической революции и подготовиться к решению в перспективе социалистических задач. За дело буржуазно-демократической революции они взялись достаточно рьяно: передали помещицы, удельные, монастырские и т.п. земли крестьянам; ввели в России республиканской строй – установили республику Советов; ввели рабочий контроль над производством... Но одновременно они столкнулись с тем, что их буржуазно-демократические преобразования встречают растущее сопротивление буржуазии. Против буржуазии им было известно только *одно средство* – установление классового господства

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28, С. 490-491.

рабочего класса, т.е. *диктатура пролетариата*. А это средство – отнюдь не из арсенала буржуазно-демократической революции.

Чем дальше, тем больше большевики сталкивались с тем, что пролетарская власть может удержаться, только применяя меры, входящие в конфликт с демократическими задачами буржуазной революции. И в самом деле, как совместить такое развитие прав и свобод, которое предполагается буржуазно-демократической революцией, с ограничением прав непролетарских классов и социальных слоев, предполагаемым диктатурой пролетариата? Особенно, если учесть, что пролетариат представлял к тому же явное меньшинство населения.

Но эта политическая проблема, сама по себе крайне острая, дополнялась гораздо более серьезным социально-экономическим противоречием. А именно: как довести до конца буржуазную социальную революцию вопреки буржуазии? Ведь речь шла не только об участии промышленных капиталистов в индустриализации страны, но и – в гораздо большей степени – о неизбежной в ходе развития буржуазной революции экспроприации мелкой буржуазии. А последняя представляла собой основного классового союзника пролетариата.

Пойти путем добровольного кооперирования крестьянства, как предполагал Ленин? Но для этого нужна мощная материальная поддержка крестьянской кооперации со стороны промышленности. Откуда же возьмется эта промышленность и массовые кадры пролетариата для нее? История знала только один путь – пролетаризацию крестьянства...

Уже созданный в России капиталистический промышленный уклад представлялся большевикам готовой основой для создания уклада социалистического, что позволяло им контролировать в экономике «командные высоты» (банки, крупную промышленность, железные дороги). Только социализация промышленности позволяла большевикам создать в стране социально-экономический противовес мелкобуржуазной стихии. Тем более, что капиталистическая буржуазия не пожелала участвовать в строительстве материальных основ социализма под рабочим контролем, и открыто выступила политическим противником пролетарской власти. И тогда в повестку дня встал переход от рабочего контроля к экспроприации буржуазии.

Стоит напомнить, что еще до Октября В.И. Ленин, даже не предвидя полностью масштаба грядущих проблем, все же сформулировал мысль, оказавшуюся верной оценкой той логики событий, которая толкала большевиков на «коммунистические опыты» и «скачки»: «нельзя идти вперед, не идя к социализму»¹.

Но что получилось в результате экспроприации промышленной буржуазии? Если первоначально функцию социализации промышленности пытались взять на себя органы рабочего контроля, то буквально за несколько месяцев ситуация радикально изменилась. Рабочие организации в условиях гражданской войны не

¹ Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.34, с. 191.

смогли быстро обеспечить жесточайшую концентрацию ресурсов на решении военных задач, и были быстро оттеснены от управления промышленностью – их функции взял на себя централизованный государственный аппарат. Поначалу он действовал в той или иной мере по соглашению с рабочими организациями, но уже к началу НЭПа участие рабочих в управлении стало почти декоративным.

Таким образом, капиталистический уклад в промышленности был заменен не «свободной и равной ассоциацией тружеников», а системой государственного управления. Ведущей социальной силой нового промышленного уклада стали не работники, а бюрократия. При той реальной степени зрелости пролетариата, какая была в России к началу революции, да еще и при условиях массового деклассирования пролетариата в ходе гражданской войны, это сделалось неизбежным.

Задачи буржуазной революции вместо буржуазии стал решать не рабочий класс, выстраивающий социалистические отношения – эти задачи стала решать бюрократия. Пока она была тесно связана по происхождению с пролетарской властью и подчинялась господствующей большевистской идеологии, можно было еще вести речь о том, что перед нами бюрократизированное рабочее государство, где бюрократия выступает от имени пролетариата, и в общем в его интересах. Но что же связывало интересы бюрократии и интересы рабочего класса?

Механизм политической власти? Вряд ли. Сложившаяся к 1922 г. абсолютная монополия большевистской партии на власть сделала демократический механизм республики Советов формальностью. И даже в той части, где рабочие еще могли воспользоваться своими политическими правами, они на деле были мало способны реализовать эти права. А чем дальше, тем больше сконцентрированная в рядах большевистской партии бюрократия (в полном согласии с бюрократией беспартийной) выхлещивала возможность контроля за собой со стороны пролетариата.

Стремление к социализму? Если такого рода настроения и были свойственны как части рабочего класса, так и части бюрократии, то по своему объективному положению в системе общественного производства, достигнутом уровню культуры и сложившейся в начале 20-х гг. социальной психологии никакой особой необходимости в решении социалистических задач не испытывал ни один из этих социальных слоев, или уж, во всяком случае, не считал необходимым вступать в борьбу за социализм.

Тем не менее, общие интересы, связывающие бюрократию и рабочих, были. Во-первых, это их общее нежелание допустить реставрацию частнохозяйственного капитализма. Во-вторых, их общая заинтересованность в росте промышленности. И в-третьих, идеология, обосновывающая предыдущие два пункта, и унаследовавшая некоторые традиционные марксистские лозунги.

7. Выход из тупика: что же получилось в итоге?

Таким образом, сложившийся в промышленности уклад представлял собой плод определенного союза между бюрократией и пролетариатом при ведущей роли первой. На этом же союзе, дополненном еще и компромиссом с крестьянством, покоилась и вся общественная система СССР начала 20-х гг. Но как долго могла продержаться эта конструкция?

Здесь я не буду анализировать противоречия НЭПа, приведшие к разрушению компромисса с крестьянством.¹ В более широком контексте разрушение обоих компромиссов стало следствием объективной логики задач поздней буржуазной революции, функции решения которых приняла на себя советская бюрократия. Напомню, это были задачи догоняющей модернизации, понимавшиеся тогда в терминах индустриализации и перехода к крупному общественному земледелию.

Бюрократия встала перед необходимостью жесткой концентрации хозяйственных ресурсов для проведения догоняющей модернизации (что получило затем отражение в термине «мобилизационная экономика»). Такая концентрация и материальных ресурсов, и трудовых усилий была возможна лишь за счет сильнейшего нажима – как на рабочий класс, так и на крестьянство. Экономическое соревнование с капиталистическим укладом было прекращено, и остатки буржуазии, допущенной НЭПом, были ликвидированы административным давлением, а мелкобуржуазное крестьянство сметено «коллективизацией». Угроза с этой стороны была ликвидирована – но вовсе не ради интересов рабочего класса и «строительства социализма».

Прежние формы компромисса были отброшены – не без ожесточенной политической борьбы, занявшей почти все 20-е годы, – и политика, проводившаяся с 1929 года, знаменовала собой окончательный переход к своеобразному советскому *бонапартизму*. Правда, для этого пришлось серьезнейшим образом ревизовать прежние установки большевизма – как идейные (например, партийная программа была просто забыта), так и организационные (стремительный отказ от внутрипартийной демократии), и основательно изменить персональный состав большевистской партии, в конечном итоге превратив ее в течение 30-х гг. в иную политическую организацию, хотя и под старым названием.

Как и любые разновидности бонапартизма, советский был основан на лавировании между противоположными интересами классов и социальных слоев – в данном случае между интересами разросшегося слоя бюрократии и трудящихся классов (как рабочих, так и крестьян). Своеобразие советского бонапартизма заключалось в том, что здесь бюрократия превращалась не только в арбитра борющихся классов, стоя как бы над ними, а на деле достигая компромисса между ними, но в пользу одной из сторон. Она сама была одной из сторон компромисса и

¹ Краткий анализ этих противоречий был дан мною ранее. См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Сталин и распад СССР. М.: URSS, 2003. С. 93-94.

арбитром в своем собственном деле. Это было бы невозможно, если бы в советском строе не действовали механизмы самоограничения бюрократии, степень которой не стоит преувеличивать, но которая была реальным фактом, на котором только и могла основываться мобилизующая роль бюрократии в деле модернизации.¹ Это самоограничение, вместе с успехами модернизации, постепенно стало все больше и больше предаваться забвению, и на бюрократию к середине 30-х гг. закапал золотой дождичек строго отмеренных привилегий – одновременно с радикальной кровавой чисткой ее от носителей старых большевистских традиций.

Итак, бюрократия приступила к решению задач буржуазной модернизации... Пойдите! Но как же с социалистической революцией, о перспективах которой так много было рассуждений выше? Попытки проведения раннесоциалистической революции постигла именно та судьба, которая и должна была их постигнуть. Постольку, поскольку для социалистических преобразований все же были некоторые, хотя и очень незрелые, предпосылки в виде капиталистического промышленного уклада, возникли весьма значимые социалистические формы, охватывающие некоторые стороны социально-экономических отношений. Классовый, политический и идеологический импульс Октября был достаточно силен, и к тому же он подкреплялся заинтересованностью советской бюрократии в сохранении идейно-политической оболочки великой революции, служащей оправданием власти бюрократии. Кроме того, использование этих форм позволяло мобилизовать энергию и энтузиазм рабочего класса. Да и формы государственного централизованного управления национализированной промышленностью, обладая определенной схожестью с прогнозируемыми чертами социалистического планового хозяйства, позволяли отождествлять одно с другим.

Некоторая устойчивость этих форм определялась еще и международным положением СССР. Их наличие позволяло СССР занять особое место в мировом хозяйстве и в мировой политике, провести линию твердого протекционизма в социалистической плановой оболочке, да еще и опереться на поддержку международного рабочего движения, противопоставив себя, как «форпост социализма», «капиталистическому окружению» (тем более, что наличие реальных социалистических элементов давало на это основания и было действенным средством давления на мировую буржуазию). Однако *эти социалистические формы не развились, да и не могли развиваться в основы социально-экономического строя, сложившегося в СССР*. Более того, имевшиеся элементы социализма сложились в уродливом, деформированном виде (что может служить оправданием применению образного выражения «мутантный социализм» – но не по отношению ко всему советскому строю, а только по отношению к этим элементам).

¹ Подробнее см.: Колганов А.И. Три модернизации в России и наше время // Политический класс, 2005, №11.

Таким образом, советский «социализм» сложился первоначально как незавершенное переходное общество с бонапартистской надстройкой, социально-экономической основой которого было решение задач догоняющей буржуазной модернизации без буржуазии и в оболочке социалистических форм хозяйствования.

Этот результат вполне подтверждает высказанную в общей форме мысль Ф. Энгельса, приведенную им в письме Вере Засулич, по поводу возможной революции в России:

«Люди, хвалившиеся тем, что сделали революции, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели»¹.

Это была неустойчивая, разнородная, «несбалансированная» конструкция, элементы которой удерживались вместе силой политической надстройки, и которая со временем неизбежно начала разлагаться, выхолщивая и вытесняя менее прочные социалистические формы, впрочем, отчасти сохраняя то из них, что диктовалось общими условиями развития позднеиндустриального уклада (и что параллельно развивалось в странах капиталистического «ядра»). Такое развитие социально-экономических последствий российской революции с точки зрения имевшихся материальных предпосылок было наиболее вероятным. Что же касается политической формы этого процесса, сопряженной с произволом времен сталинской диктатуры, то здесь как раз были возможны варианты, борьба вокруг которых, собственно, и была реальной подоплекой политических конфликтов 20-х – 30-х гг.

Итак, все же две революции одновременно, но не равнозначные – одна из них (раннесоциалистическая) послужила оболочкой для другой (позднекапиталистической) в силу своеобразной расстановки классовых сил.

8. Врожденные болезни капитализма, возникшего из советского строя

В конечном итоге процесс латентного формирования корпоративно-капиталистической структуры в оболочке планового хозяйства, и процесс избавления бюрократии от последних ниточек, связывающих ее с трудящимися классами, неизбежно привел к реставрации капитализма. Полукапиталистическая система, оснащенная немаловажными социалистическими атрибутами, была разрушена и заменена системой корпоративного капитализма. Однако этот новый российский капитализм оказался обременен целым рядом врожденных пороков.

Крайне оригинальный исторический путь формирования в России позднеиндустриального капитализма наложил своеобразный отпечаток и на его нынешний облик. Во-первых, этот капитализм вырос не из эволюции мелкобуржуазного моря, из которого вырастали островки свободного капиталистического предпринимательства, основанного на более или менее свободной конкуренции. Он, не имея за своей спиной исторического опыта развития

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36, С. 263.

свободного предпринимательства, с самого начала родился как система господства крупного корпоративного капитала, объединенного в монополистические структуры. Кроме того, переход от государственно-монополистических структур к частно-монополистическим был проведен скачкообразным образом, а потому господство монополистического капитала приобрело ярко выраженную олигархическую тенденцию.

Во-вторых, социальная среда, из которой рос этот капитализм, так же была необычной. Новейший российский капитализм вырос из распада и разложения бюрократической плановой системы. К несчастью, именно худшие элементы этого разложения – союз коррумпированной бюрократии и дельцов теневого бизнеса, густо приправленный пропитавшими эту среду криминальными элементами – захватили господствующие политические позиции, и составили как раз наиболее активный контингент современного российского предпринимательства. С другой стороны, становление этого капитализма происходило при отсутствии свободного наемного работника, который еще только создается заново на наших глазах.

Российский капитализм не имеет длительной истории становления, совершенствования и отладки институтов капиталистической экономики. Эти институты являются плодом поспешной импровизации, основанной на плохо продуманном копировании внешних форм организации бизнеса в развитых странах.

В результате экономическая система российского капитализма обнаруживает гораздо больше сходства с начальным этапом промышленного капитализма, описанным в «Капитале», нежели со странами высокоразвитого капитализма, прогресс которых во многом обеспечивается выходом за рамки классических капиталистических отношений. Российский же капитализм еще не вступил на этот путь постепенного самоотрицания капитализма, служащего для развитых стран непременным условием выживания капиталистической системы в целом. Этот относительно архаизированный характер российского капитализма служит одним из источников его отсталости, поскольку находится в остром конфликте с относительно современной материально-технической базой, созданной в советский период, с уровнем развития основной массы работников, и с условиями конкуренции в мировом хозяйстве.

Другим пороком современного российского капитализма служит неспособность новой буржуазии обеспечить ускоренную модернизацию, парадоксальным образом напоминающая подобное же свойство его предшественника времен Российской империи, что и привело тогдашнюю российскую буржуазию к историческому банкротству, несмотря на весь неисчерпанный потенциал капиталистической системы. Причины этого, впрочем, различны. Если «старая» российская буржуазия не имела достаточной решимости освободиться от обветшалых форм полукрепостнической монархии, довольно прочно сросшись с нею и переплетаясь взаимными интересами, то «новая» буржуазия сформировалась с психологией захватчика, «хапнувшего» в союзе с бюрократией прежнюю государственную собственность и использующего ее как добычу, подлежащую

разграблению. В лучшем случае приобретенная собственность рассматривается «новыми богатыми» подобно какой-нибудь деревеньке, полученной «в кормление» от государя. Любые капитальные вложения поэтому представляются для нашей буржуазии не средством наращивания капитала, а прямым вычетом из ее дохода.

При этом есть и общие черты – и та, и другая генерация буржуазии характеризуются тесной зависимостью от бюрократии, глубоко вросшей в предпринимательство и паразитирующей на нем, одновременно охраняя интересы этого предпринимательства от «претензий» трудящихся классов, а также подчинением финансовой и технологической монополии более развитых держав.

Наконец, проведение нынешней буржуазией ускоренной модернизации означало бы вступление в ожесточенную конкурентную борьбу с сильнейшими капиталистическими державами и мощным транснациональным капиталом, доминирующими в глобализованном мировом хозяйстве. А наша буржуазия явно не готова нести неизбежные издержки такой борьбы.

9. Буржуазная революция закончена. Что дальше?

Итак, буржуазная революция в России завершилась. Вся экономика пронизана устойчивыми структурами капиталистических производственных отношений. Сложилась определенная национальная модель капитализма – отсталого, периферийного, занимающего в мировом хозяйстве нишу поставщика сырья и топлива (да, еще и оружия – но это не надолго...). Каково может быть ее будущее?

Россия вполне может существовать и в нынешнем ее виде. Без особых успехов – но все же существовать, постепенно накапливая внутренние противоречия, которые могут увлечь нас в пучину острейших социальных конфликтов. А что может быть альтернативой? Опять догоняющая модернизация?

Нет, новый рывок в духе мобилизационной экономики позднеиндустриального общества вряд ли вынесет – да и вряд ли предпримет. Успех такой политики сейчас более, чем сомнителен. Россия – не Сингапур и не Тайвань. При нынешних правилах игры в мировом хозяйстве, живущем в условиях глобализации, Россия вообще не имеет шансов пробиться в первые ряды. Другое дело, что эти правила не вечны.

Гигантски раздутый финансовый рынок, сублимирующий кризисный потенциал, накапливающийся в реальном секторе, не может надуваться беспредельно. В исторически обозримой перспективе глобальный финансовый кризис неизбежен, а вместе с ним может придти гибель современной «имперской» модели мира и распад глобального мирового хозяйства на крупные блоки. А вот в одном из таких блоков Россия сможем получить шансы занять место под солнцем и продвинуться вперед, но в первую очередь не как промышленная держава, разумеется. Сейчас преждевременно было бы рисовать гипотетические сценарии такого процесса, однако можно сказать одно – через какое-то время после

прогнозируемого распада объективно необходимое единство мирового хозяйства вновь властно заявит о себе.

Вот тогда можно будет подумать и о предпосылках социализма в России – но на этот раз только в рамках глобального социализма. И социалистическая революция в формирующихся условиях может выступить только как своего рода «социалистическая глобализация», покоящаяся на новых материальных предпосылках того, что Маркс когда-то назвал «всеобщим трудом».

Этот процесс неизбежно столкнется с проблемой социально-экономической отсталости большинства стран (по отношению к которым Россия выступает как развитая держава). Проблема приобщения их к современной культуре ставит перед социалистической мыслью вопросы, на которые сейчас нет ответов. Каковы могут быть формы помощи этим странам? Как быть с господствующими там косными и коррумпированными политическими режимами? Как обеспечить экономический прогресс всего человечества, не упершись в тупик ресурсного перенапряжения и экологической катастрофы?

Фактически это те же самые вопросы о возможности движения к социализму стран, не обладающих для этого достаточными социально-экономическими предпосылками, что стояли перед Россией в 1917 г., но стоящие уже применительно не к отдельной стране, а ко всему мировому хозяйству. Вопросы гораздо более серьезные, чем этические конфликты, описанные в романах братьев Стругацких в связи с феноменом «прогрессорства». Готовых ответов пока нет. Но наш собственный исторический опыт может, по крайней мере, предостеречь от некоторых ошибок.